

ЭКСПЕРТИЗА

«Мы не миссионеры»

>> стр. 1

К Социал-демократической партии Германии близок Фонд имени Фридриха Эберта. К Партии зеленых — Фонд имени Генриха Белля. К «Левым» — Фонд имени Розы Люксембург.

«Опыт тоталитаризма в послевоенное время сформировал убеждение в необходимости заниматься просвещением, общественно-политическими темами, работать с людьми. И это стало важным фактором в создании немецких фондов, которые затем расширили свой ареал: мы исходим из того, что для Германии лучше, если вокруг существуют демократические страны — это гарантия стабильности», — рассказывает бывший собкор газеты Die Zeit в Москве Йоханнес Фосвинкель, теперь возглавляющий московское бюро другого немецкого фонда — имени Генриха Белля. Как и практически все его коллеги из других фондов, он чисто говорит по-русски. В Москве представлены все шесть немецких околопартийных фондов. Первыми свое «посольство» еще в 1989 году открыли социал-демократы, за ними после распада СССР стали подтяги-

Скажем, я считаю, что эти санкции абсолютно неправильные, потому что они ухудшают жизненные условия населения». Она объясняет: быть в оппозиции не значит быть противником системы, а значит пытаться ее изменить, например в сторону большей социальной справедливости и солидарности. «Мы это не делаем в интересах какого-то государства или какой-то организации. Главное, что нас волнует, — это люди, их интересы и положение», — убеждает Керстин Кайзер.

От образования до панк-рок феминизма

Из поверхностного знакомства с сайтами московских бюро легко складывается впечатление, что основное их занятие — разговоры. Форумы, круглые столы, экспертные панели, конференции и семинары, а к ним исследования и публикации готовятся по самым разным темам: от организованного Фондом Фридриха Эберта российско-германского форума креативных индустрий до сборни-

Керстин Кайзер:
«Мы не „адвокаты“ Берлина»

Юлиус фон Фрайтаг-Лорингофен:
«Мы представляем интересы не государства, а части общества»

ваться и другие. Все шесть фондов активны и в других регионах — например, Фонд Конрада Аденауэра работает в 120 странах мира.

По словам кандидата политических наук, доктора философии Боннского университета и старшего научного сотрудника ИНИОН РАН Светланы Погорельской, представленные за рубежом фонды одновременно акторы и инструменты германской внешней политики, действующие в интересах страны и близких им партий. «Она работает в тех странах, где они нужны Германии и своим партиям, а в России они всегда будут им нужны», — говорит эксперт, опубликовавшая посвященную фон-

ка Фонда Розы Люксембург по панк-рок феминизму. Международное и культурно-историческое сотрудничество, экологическое развитие, рыночное хозяйство, гражданское общество, правовое государство — кому что ближе в зависимости от идеологии и убеждений «ведущей» фонд партии. Например, Фонд Фридриха Эберта занимается политическим и общественным образованием «для приобщения к демократическим позициям и представлениям о ценностях», политическими консультациями, поддержкой международного сотрудничества, одаренных студентов и молодых ученых (в том числе через стипендии), научно-исследовательской деятельности.

Представители фондов обрисовывают круг принципов работы так: выбираются важные для них темы, но так, чтобы дискуссия обогащала и внутрироссийский диалог. При этом они стремятся задействовать как негосударственных игроков, так и государственных, свести между собой представителей различных политических взглядов и направлений, образовательные, благотворительные и общественные организации. Внутриполитических вопросов стремятся избегать, в своей деятельности стремятся к максимальной прозрачности.

Финансирование деятельности фондов идет как из федерального германского бюджета, так и напрямую от отдельных министерств под целевые траты: МИД ФРГ может поддержать какой-то из проектов, связанный с развитием политического диалога. Главное — чтобы политическая партия, с которой связан фонд, была представлена в Бундестаге (то есть набрала более 5% на выборах). Какую часть из этой суммы тратить затем на региональные направления, в том числе на работу в России, фонды решают сами. Общая сумма годового финансирования шести работающих в Москве политических фондов, близких к немецким партиям, по оценкам «Д», составляет порядка €1,5 млн.

«Когда нас ставят в один угол со шпионами, Россия и Германия больше не смогут нормально работать»

«Фактически мы стали свидетелями рождения современной России: мы всегда были тут, рядом, и стремились сопровождать развитие страны и российско-немецких отношений», — говорит глава московского бюро Фонда имени Ханнса Зайделя Ян Дрезель. Но политическая обстановка изменилась в 2012 году. После того как Госдума приняла закон о так называемых иностранных агентах, волна массовых проверок НКО докатилась и до немецких фондов. В марте 2013 года прокуратура провела в Петербурге проверку филиалов фондов имени Фридриха Эберта и Конрада Аденауэра. У последних изъяли компьютеры. Оргтехнику в итоге вернули: Генпрокуратура завершила проверку в рекордно сжатые сроки. Тем не менее политическая реакция была бурной. Посланника посольства РФ

«Мы чувствуем, что появление списков якобы „иноагентов“ повлияло на общественный климат. Многие люди и учреждения в России стали скептически относиться к иностранным организациям в целом, хотя мы совсем не подпадаем под такое определение», — говорит Клаудиа Кроуфорд, нынешний руководитель московского бюро фонда. — К счастью, мы работаем в России уже 27 лет. За это время у нас появилась целая сеть контактов, тех, кто нам доверяет, знает, как мы работаем и что мы хороший партнер для диалога. Это позволяет завязывать новые контакты, ведь обмен с Германией интересует многих людей и организации в России, хотя некоторые проекты мы не смогли продолжить. Так что проблема законодательства, как мне кажется, заключается в том, что оно подпитывает недоверие, затрудняет обмен и тормозит стремление населения в чем-то участвовать».

Следующий звонок прозвенел в декабре 2017 года. Тогда ряд российских политиков и экспертов потребовал проверить деятельность Фонда имени Фридриха Эберта в связи с тем, что он якобы финансировал поездку школьника из Нового Уренгоя, зачитавшего в Бундестаге на шумевший доклад о судьбе умершего в СССР германского военнопленного. По данным фонда, с их работой поездка не была никак связана. Это же потом подтвердили и в Новом Уренгее. Но дипломаты из России и Германии успели обменя-

Пеер Тшендорф: «Самое важное — создать платформу для диалога»

вызвали в МИД ФРГ, ему была выражена «озабоченность по поводу недружественных действий по отношению к многочисленным неправительственным организациям, в том числе по отношению к немецким фондам». Министр иностранных дел Гидо Вестервелле предупредил: «Препятствование деятельности фондов может нанести долгосрочный ущерб двусторонним отношениям». «В атмосфере, когда нас ставят в один угол со шпионами, политические фонды, а мы — Россия и Германия — по-прежнему считаем друг друга партнерами, больше не сможем нормально работать», — предупреждал в интервью Deutsche Welle тогдашний глава Фонда имени Конрада Аденауэра Ларс-Петер Шмидт.

«Мы чувствуем, что появление списков якобы „иноагентов“ повлияло на общественный климат. Многие люди и учреждения в России стали скептически относиться к иностранным организациям в целом, хотя мы совсем не подпадаем под такое определение», — говорит Клаудиа Кроуфорд, нынешний руководитель московского бюро фонда. — К счастью, мы работаем в России уже 27 лет. За это время у нас появилась целая сеть контактов, тех, кто нам доверяет, знает, как мы работаем и что мы хороший партнер для диалога. Это позволяет завязывать новые контакты, ведь обмен с Германией интересует многих людей и организации в России, хотя некоторые проекты мы не смогли продолжить. Так что проблема законодательства, как мне кажется, заключается в том, что оно подпитывает недоверие, затрудняет обмен и тормозит стремление населения в чем-то участвовать».

Следующий звонок прозвенел в декабре 2017 года. Тогда ряд российских политиков и экспертов потребовал проверить деятельность Фонда имени Фридриха Эберта в связи с тем, что он якобы финансировал поездку школьника из Нового Уренгоя, зачитавшего в Бундестаге на шумевший доклад о судьбе умершего в СССР германского военнопленного. По данным фонда, с их работой поездка не была никак связана. Это же потом подтвердили и в Новом Уренгее. Но дипломаты из России и Германии успели обменя-

и иностранных фондов — нет. «При этом многие независимые международные НКО — от Transparency International до „Международного Мемориала“ — уже объявлены в России „иноагентами“, а мы — нет. В конце концов, это политическое решение. Вероятно, нас воспринимают как важный фактор российско-германских связей», — признает глава бюро Фридриха Наумана Юлиус фон Фрайтаг-Лорингофен. «Хотя все видят, что Владимир Путин любит Германию больше, чем США, нам все равно приходится нелегко. Но понимаете, мы никого ни в чем не переубеждаем, мы не миссионеры, мы работаем строго в рамках закона и только с теми, кто приглашает нас и ищет диалога, поддерживаем прежде всего инициативы с мест», — убеждает он.

«Чтобы партнерские организации, с которыми мы работаем, не попадали в список „агентов“, приходится учитывать сложившиеся условия и искать новые подходы к поддержке проектов различных НКО, академических институтов, университетов, исследовательских центров или библиотек. Среди наших партнеров очень разные структуры — как по статусу, так и по взглядам или интересам», — добавляет представитель Фонда Розы Люксембург Керстин Кайзер. — Выходит, что Россия разрешает, чтобы деньги поступали из-за границы, но очень строго проверяет. Таковы правила игры. Иностранное политическое влияние стремится ограничить любое правительство».

Как бы то ни было, в условиях кризиса все фонды совпадают в понимании своей задачи: предоставлять платформу для диалога, особенно там, где оно затруднено. «Когда все хорошо, российско-германские связи и без нас прекрасно работают по официальным каналам. А во времена, как сейчас, именно фонды играют большую роль, ведь диалог сейчас особенно важен», — говорит Ян Дрезель (Фонд Ханнса Зайделя). «Одна из главных наших сейчас функций — попытаться понять, а куда мы вообще идем. Создание в сложные времена платформы для диалога, для взаимопонимания — вот самое важное», — поддерживает его Пеер Тшендорф (Фонд Фридриха Эберта). «Когда, например, в политической сфере намного труднее найти совместное решение или даже общий язык, прийти к консенсусу в оценке ситуации, тогда наша работа тем более важна: у нас бывают возможности способствовать контактам, развивать каналы коммуникации, которые если не перекрыты политиками, то затруднены», — говорит Йоханнес Фосвинкель (Фонд Генриха Белля).

«Сотрудничество — это не улица с односторонним движением. Немцы, которые принимают участие в наших мероприятиях, точно также получают лучшее представление о стране, как и люди из других стран — о Германии. И выбирая темы, мы думаем о тех, которые интересны для обеих сторон. Я ориентируюсь в своей работе на те темы, которые важны для наших партнеров и экспертов в России. Потому что я убеждена, что и Россия, и Германия заинтересованы в том, чтобы поддерживать хорошие взаимоотношения. Надо, чтобы мы могли открыто говорить и о том, что для нас всех важно, и о том, в чем у нас есть расхождения. Только так возможно выстраивать взаимопонимание», — заключает Клаудиа Кроуфорд (Фонд Конрада Аденауэра).

Политическая обстановка изменилась в 2012 году, после того как Госдума приняла закон о так называемых иностранных агентах

дам монографию. — Благодаря разнообразию представленных в России фондов они охватывают весь политический спектр возможных российских партнеров: от левых и неправительственных правозащитных организаций до парламента и государственных структур».

Она объясняет: фонды сопровождают и дополняют внешнюю политику, разгружая официальные каналы или же делая работу, недоступную дипломатическим структурам и организациям-носителям, ограниченным своим официальным статусом. «Сотрудничая с теми политическими силами, официальные контакты с которыми нежелательны по дипломатическим причинам, но которые обладают существенным внутриполитическим потенциалом, они обеспечивают плацдарм для будущего двусторонних отношений», — говорит Светлана Погорельская. — Фонды не подчинены диктату повседневной, оперативной политики и могут быть задействованы для реализации долгосрочных приоритетов. Не зря Гельмут Коль называл их „скровищами“, которыми может гордиться Германия».

«Наш фонд близок к Левой партии и представляет духовное течение демократического социализма. И мы не ощущаем себя официальным представителем или „адвокатом“ Берлина, — заочно полемизирует глава филиала Фонда Розы Люксембург Керстин Кайзер. — Мы не представляем и тем более не защищаем политику канцлера или нашего правительства. Вот я, например, в первую очередь, как левая, как человек с политическими левыми взглядами, критикую свое правительство за политику Германии по отношению к России.